

DOI: 10.25178/nit.2026.1.16

РОДНОЙ ЯЗЫК

Статья

Число «үш» 'три' в тувинской языковой картине мира

Любовь С. Кара-оол

Тувинский государственный университет, Российская Федерация

В статье произведена систематизация примеров использования числа «үш» 'три' в разных сферах культурной жизни тувинцев. Анализировались тексты тувинского устного народного творчества, художественных произведений, научной литературы, привлекались полевые материалы автора 1990–2000-х гг., собранные в разных районах Тувы.

Зафиксировано широкое употребление числа «үш» 'три' в разных жанрах фольклорных текстов, в традициях и обычаях народа, а также фразеологии тувинского языка, в современной литературе и культурно-бытовой жизни тувинцев.

В тувинской языковой картине мира данное число является символом трёхэтажности Вселенной; символом первичных сил, из которых возник мир и человеческий род; общности трёх понятий, качеств, явлений, предметов; успешности и волшебства сказочных действий, совершаемых трижды; символом трёх знаний; единства и священности народа, языка и земли. Число «үш» 'три' выражает полноту и завершённость обрядовых действий, совершаемых трижды; символом трёх главных пиров в жизни тувинца; символом перехода от младенчества к детству; единства и целостности стихотворения-триады; символом не только сильного и мужественного победителя трёх мужских игр, но и воина-защитника. Число «үш» 'три' также является символом отделения души от тела покойника, завершающий три этапа жизни человека — рождение, жизнь и смерть; очищения от скверны и нечисти; гостеприимства и трёх вкусов. Это символ стойкости, надёжности и покоя; необратимости изменений в жизни человека; испытания на человечность и символ троеединства человека.

Ключевые слова: тувинский язык; нумератив; символика числа; три; тувинский фольклор; тувинская культура; тюркская культура

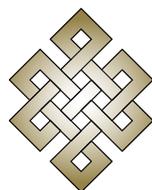
Для цитирования:

Кара-оол Л. С. Число «үш» 'три' в тувинской языковой картине мира // Новые исследования Тувы. 2026. № 1. С. 292–306. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.1.16>

Кара-оол Любовь Салчаковна — кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и методики языкового образования и логопедии Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Ленина, д. 36. Эл. адрес: lkaraool61@mail.ru

KARA-OOL, Lyubov Salchakovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Head, Department of Theory and Methods of Language Education and Speech Therapy, Tuvan State University. Postal address: 36 Lenina St., 667000, Kyzyl, Russian Federation. Email: lkaraool61@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9270-2912

NATIVE LANGUAGE

Article

The Number *üç* 'three' in the Tuvan Linguistic Worldview

Lyubov S. Kara-ool

Tuvan State University, Russian Federation

The article systematizes examples of the use of the number *üç* 'three' in various domains of the cultural life of the Tuvan people. The analysis is based on texts of Tuvan oral folklore, works of fiction, scholarly literature, as well as the author's field materials collected in different districts of Tuva in the 1990s–2000s.

Widespread use of the number *üç* 'three' is attested in multiple genres of folklore texts, in the traditions and customs of the people, in Tuvan phraseology, as well as in contemporary literature and in the cultural and everyday life of Tuvans. The Tuvan word for "three" is *üç*.

In the Tuvan linguistic worldview, the number functions as a symbol of the three-tiered structure of the universe; of the primordial forces from which the world and humankind emerged; of the unity of three notions, qualities, phenomena, or objects; of the success and magical efficacy of fairy-tale actions performed three times; of the triad of knowledge; and of the unity and sacredness of the people, language, and land. The number *üç* 'three' also conveys the completeness and finality of ritual actions performed three times; serves as a symbol of the three main feasts in a Tuvan's life; marks the transition from infancy to childhood; represents the unity and integrity of the poem constructed as a triad; and functions as a symbol not only of a strong and courageous winner of the three men's competitions, but also of the warrior-protector.

Furthermore, the number *üç* 'three' symbolizes the separation of the soul from the body of the deceased, thereby completing the three stages of human life — birth, life, and death; it is associated with purification from defilement and evil; with hospitality and the triad of tastes. It also represents steadfastness, reliability, and tranquility; the irreversibility of changes in human life; a test of one's humanity; and the triune nature of the human being.

Keywords: Tuvan language; numerative; symbolism of number; three; Tuvan folklore; Tuvan culture; Turkic culture

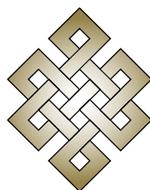
For citation:

Kara-ool L. S. The Number *üç* 'three' in the Tuvan Linguistic Worldview. *New Research of Tuva*, 2026, no. 1, pp. 292-306 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.1.16>

Введение

Актуальность исследования числа *үш* 'три' в тувинской языковой картине мира определена тем, что имена числительные с их грамматическими и морфологическими признаками служат не только для обозначения математических единиц, но также содержат в себе богатые культурные коннотации, т. е. дополнительные черты, сопутствующие основному содержанию числа. В связи с этим использование нумеративов в тувинской лингвокультуре требует дальнейшего исследования не только с точки зрения лингвистики, но и этнографии, культурологии, чтобы выявить роль дополнительных символических и ритуальных значений чисел, которые в представлениях тувинцев наиболее ярко выражают своеобразие этнической культуры и взаимосвязь с народами Саяно-Алтая.

С древних времён тувинцы, как и другие тюркоязычные народы, приписывали числам *үш* 'три', *chedi* 'семь', *tos* 'девять' скрытый смысл, магическую возможность воздействия и влияния на окружающих и считали, что они управляют не только повседневной жизнью людей, но и миром. Например, в тувинском языке есть такие устойчивые понятия, как *үш сагызын* 'три талисмана', *үш ыдык* 'три святыни', *үш оран* 'три света (мира)'; *chedi арт* 'семь перевалов', *chedi киж* *chedишикинниг* 'семь человек — успешны', *chedi чүзүн мал* 'скот семи мастей'; *tos аржаан* 'девять целебных источников', *tos эртине* 'девять

драгоценностей', *тос сүзүк* 'девять предметов почитания' и т. д. Для носителей тувинского языка данные числа имеют символическое и сакральное значения, что подтверждается работами, посвящёнными традиционной этике, традициям, культуре и языку тувинцев (Кенин-Лопсан, 1994: 78-98, 99-122, 141-143; 2025: 77-118; Мижит, 2013; и др.¹), примерами из текстов художественной литературы², тувинского фольклора³, фразеологии тувинского языка⁴, а также полевых материалов автора, собранных во время диалектологических экспедиций в Эрзинский кожуун и в Ховд Буянт аймака Монголии (1999 г.), в Пий-Хемский кожуун и сумон Цэнгэл Баян-Улгийского аймака Монголии (2005 г.).

Цель данной статьи — систематизация примеров использования числа *үш* 'три' в разных сферах культурной жизни тувинцев. Исходя из поставленной цели были определены следующие задачи: сделать краткий обзор литературы по теме исследования; изучить символику числа в разных жанрах тувинского фольклора; в традициях и обычаях тувинского народа; в текстах современной литературы и фразеологии тувинского языка, а также в повседневной жизни тувинцев.

Материалом для исследования послужили примеры из текстов устного народного творчества, художественных произведений, научной литературы по теме исследования, а также полевые материалы автора, собранные во время диалектологических и комплексных экспедиций в разные годы.

Обзор литературы

Обзор литературы по теме исследования показал, что научных работ достаточно много. Во-первых, это исследование числительных в тюркских языках и культурах Э. Р. Тенишева. Он изучил символику чисел в древних (письменных) и современных тюркских языках, которые несут в себе особую символику (Тенишев, 2001), статья Р. Т. Муратовой о нумерологических фразеологических единицах с числом «семь» в тюркских языках (Муратова, 2014).

Во-вторых, семантика и символика числительных в тувинской языковой картине мира нашли отражение в работах Г. Н. Потанина (Потанин, 2007), Л. П. Потапова (Потапов, 1969), Я. Ш. Хертек⁵, Н. Г. Курбатского (Курбатский, 1973), М. Б. Кенин-Лопсана (Кенин-Лопсан, 1994, 1995, 2017, 2025), В. Я. Бутанаева и Ч. В. Монгуш (Бутанаев, Монгуш, 2005), А. К. Кужугет (Кужугет, 2006), М. В. Монгуш (Монгуш, 2008), С. Ч. Донгак⁶, Х. Куулар, О. Куулар, Д.-Д. Куулар, Л.-Д. Куулар⁷, О. М. Дамчай и Е. С. Уйнук-оол⁸. В этих работах семантика числительных в тувинском языке рассматривалась в контексте исследования других тем, за исключением нескольких работ, например, Л. С. Мижит (Мижит, 2009, 2013) и Т. Г. Бочиной (Бочина, 2023). Так, Л. С. Мижит, изучая тувинский поэтический жанр *ожук дажы*, анализировала особенности тувинского трехстишия (Мижит, 2009, 2013). Т. Г. Бочина анализировала числовой и цветовой код как компонент тувинских загадок о человеке (Бочина, 2023).

В-третьих, есть исследования числительных в тюркском или монгольском языках в сравнении с тувинским. А. Н. Чугунекова в своей статье, анализируя наиболее употребительные числа в языке

¹ Донгак С. Ч. Тыва куда ёзулалдары. = Традиции тувинской свадьбы / отв. ред. К. А. Бичелдей. Кызыл: Изд-во ТувГУ, 2012. С. 3-34.

² Кюнзегеш Ю. Ш. Ожук даштары: шүлүктер, йөрээлдер, шүлүглелдер. = Камни очага: стихи, благословения, поэмы. Кызыл: Тув.кн.изд-во, 1993; Даржай А.А. Черге чедир мөгейдим. = Земной поклон. Избранное. Стихи и поэмы. Кызыл: Тываполиграф, 2014. С. 37; Кара-Куске Ч. К. Тывызыксыг тывалар бис. = Мы — загадочные тувинцы. Кызыл: Тываполиграф, 2010. С. 33; Кудажы К-Э. К. Чогалдар чыындызы. Бирги том. Проза. = Собрание сочинений. Т. 1. Повести и рассказы. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1993. С. 16; Ооржак М. Хей-аьдым эзертепкеш... = Оседлав коня вдохновения. Стихотворения. Кызыл: Офсет, 2025. С. 44.

³ Үш чүүл эртемниг оол: тыва улустун тоолу / Чурукчузу И. Салчак. = Мальчик с тремя знаниями: тувинская народная сказка / худ. И. Салчак. Кызыл: Республиканская типография, 2001; Сын Хур-Кужугета Сергек с Темно-Рыжим конем. = Хур-Кужугеттин огулу Хүрен-Кыскыл аьттыг Сергек: сказка-миф. Новосибирск: ООО «Типография Колорит», 2000.

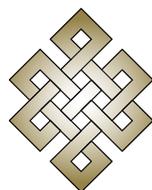
⁴ Хертек Я. Ш. Тувинско-русский фразеологический словарь = Тыва-орус фразеология словари. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1975. С. 166.

⁵ Хертек Я. Ш. Тувинско-русский фразеологический словарь = Тыва-орус фразеология словари. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1975.

⁶ Донгак С. Ч. Тыва куда ёзулалдары. = Традиции тувинской свадьбы. Кызыл, 2012.

⁷ Куулар Х., Куулар О., Куулар Д.-Д., Куулар Л.-Д. Хам болгаш делегей = Шаман и мир / ред. А. М. Хертек. Кызыл: КЦО «Аныяк», 2014.

⁸ Дамчай О. М., Уйнук-оол Е. С. Культура традиционной тувинской семьи / отв. ред. А. С. Шаалы. Кызыл: ИРНШ, 2016.

фольклора, выделила общие и специфические черты символики чисел тувинского и хакасского языков (Чугунекова, 2019). В статье о числовом коде тувинской лингвокультуры в пословицах авторы установили, что паремиологические единицы тувинской лингвокультуры основаны на символической и сакральной семантике чисел, отражая народные поверья, обряды, фольклорно-мифологические образы. А также отметили наличие точек соприкосновения в символике чисел тюркских и монгольских паремий (Бредис и др., 2022: 276–292). В статье М. А. Бредиса о символике числа девять в тувинской лингвокультуре зафиксировано сходство в символике числа «девять» с лингвокультурами монгольских народов, объясняется это особенностями общей истории и лингвокультурным трансфером тувинцев, монголов и бурят (Бредис, 2023: 228–242), а в статье об особенностях употребления нумератива «пять» в тувинской лингвокультуре авторы установили, что в тувинской фразеологии и фольклоре частотность употребления нумератива пять и сила его символики значительно уступает символике числа пять в монгольских языках (Бредис, Новоспаская, 2023: 36–50). Авторы работы о символике числа «семь» в тувинской лингвокультуре пришли к заключению, что фольклорные тексты и фразеологические единицы в тувинской лингвокультуре основаны на символике сакрального числа «чеди» и обнаружили большое сходство в символике числа с лингвокультурами других языков (Бредис, Сюэ, 2023: 274–289). И одна из последних работ М. А. Бредиса посвящена анализу тувинских фольклорных текстов и фразеологических единиц с числовым компонентом чүс 'сто' в сопоставлении с алтайским, хакасским, бурятским, монгольским и калмыцким языками. Исследование показало, что символика числового компонента сто не принадлежит к сфере сакрального и магического, но при этом данный нумератив в фольклорно-мифологическом плане имеет значение всеобщности, множества и в некоторых случаях предела (Бредис, 2024: 61–74).

Автор данной статьи Л. С. Кара-оол, исследуя числительные в топонимах Тувы, установила, что в них количественный показатель точно определяет число географических объектов; передаёт значения 'несколько' или 'много', а также показывает неопределённость количества. Среди тувинских топонимов были выявлены странствующие тюркские географические названия с ареалом распространения — Горный Алтай, Казахстан, Киргизия, Хакасия и Кавказские Минеральные Воды (Кара-оол, 2019), а также исследуя лексику свадебного обряда, описала трехчастность данных обрядов (Кара-оол, 2015: 19, 26–27; Кара-оол, 2021: 132–133; Кара-оол, 2024: 66–69).

Таким образом, общий обзор литературы по теме исследования показал, что семантика и символика чисел в тувинской лингвокультуре изучена достаточно хорошо, но тем не менее, нет научных работ, в которых отдельно изучены и систематизированы примеры использования числа үш 'три' в тувинской языковой картине мира, что подтверждает научную новизну данной работы.

Число «три» в разных жанрах тувинского фольклора

Число «три» широко используется в следующих жанрах устного народного творчества тувинцев: *тыва хамнарның алгыштары* 'алгыши тувинских шаманов', т. е. шаманские напевы, *тоолчургу чугаалар* 'мифы', *үштээн тывызыктар* 'загадки триады', *тоолдар* 'сказки'.

И так, в древнейшем жанре тувинского фольклора — *тыва хамнарның алгыштары* 'алгыши тувинских шаманов' — шаманский напев или стих, шаманская песня, в которых поэтически выражены философия, психология, духовный мир и красота языка славных предков тувинского этноса (Кенин-Лопсан, 1995: 5) особое место занимают алгыши, посвящённые *Оран-делегей* 'Вселенной' из **трёх миров** (Кенин-Лопсан, 2002: 505; и др.¹): *караңгы өртемчей* букв. «тёмный мир» 'подземный мир', *чырык өртемчей*, т. е. «светлый мир» 'средний мир' и *үстүү оран* 'верхний мир' (Кенин-Лопсан, 1995: 85, 94, 105). В них отражается представления народа о Вселенной с точки зрения древней религии шаманизма.

Универсальное понятие о трёхэтажности Вселенной встречается и в тувинской мифологии: *алдыы оран* 'нижний мир', *ортаа оран* 'средний мир', *үстүү оран* 'верхний мир' (Мижит, 2013: 35; Бредис и др., 2022: 285) или *Үстүү Дээр — Курбустуглар ораны* досл. «Верхнее Небо — мир Богов неба» 'верхний мир', *Ортаа оран* или *Дириг оран — кижилерниң, дириг амытаннарның, чер-суг ээлериң ораны* досл. «средний мир или мир живых — мир людей, животных, хозяев земли и воды» 'средний мир', *Алдыы*

¹ Куулар Х., Куулар О., Куулар Д.-Д., Куулар Л.-Д. Хам болгаш делегей. Хам болгаш делегей. = Шаман и мир / ред. А. М. Хертек. Кызыл: КЦО «Аныяк», 2014. С. 115.

оран — эрлик ораны досл. «нижний мир — мир подземного царства» ‘нижний мир’ (Куулар и др., 2014: 115).

Образ мирового Древа мира или дерева жизни, разделённый на **три яруса**: корень — нижний мир, ствол — средний мир и ветви — верхний мир (Баешко, Гордиенко, Гордиенко, 2007: 88–91), встречается и в древнетюркском памятнике Кюль-Тегина¹. Вертикальная структура пространства у саяно-алтайских тюрков также реализуется в образе мирового дерева (мировой горы) с различными зонами: верх — это крона дерева, небо, светила, вершина горы, исток реки, птица, верхний мир; низ — корни дерева, пещера, ущелье, вода, животные, обитающие в норах, рогатые животные, нижний мир, а середина — ствол дерева, долина, человек и животные с теплым дыханием (Традиционное мировоззрение ... , 1988: 22–23). Поэтому трехчастная картина мира — это картина мира культур целого ареала.

Символ первичных сил, из которых возник мир и человеческий род нашёл своего отражения в тувинской *тоолчургу чугаалар* ‘мифологии’ о трёх стихиях *үш халап* — *от халавы* или *өрт халавы* ‘стихия огня’, *суг халавы* ‘стихия воды, т. е. наводнение’ и *хат халавы* ‘стихия бури’ (Кенин-Лопсан, 2002: 13–15).

Согласно мифу «*Үш халап*» («Три стихии»), в давние времена произошел большой пожар, напоминающий поток воды и его одолела стихия воды. Потом поднялась буря, унося собой пыль самой высокой тайги Сумбер-Уула и, осушив всю воду, образовала землю².

В тувинском фольклоре есть удивительные *үштээн тывызыктар* ‘загадки триады’, когда интерес отгадывающего вызывает не сам вопрос, заложенный в тексте загадки, а ответ, который состоит из трех рифмованных строк. В этих загадках отразился своеобразный взгляд кочевого народа на окружающий мир, его представления об общности трёх понятий, качеств, явлений, предметов, как, например, о трёх белых во вселенной *Өртемчейде үш ак*:

Аныяанда, дизи ак,
Кырый бээрге, бажы ак,
Өлү бээрге, сөөгү ак³.

В молодости зубы белые,
В старости голова белая,
После смерти кости белые⁴;

о трёх быстрых в мире *Чувезде үш дүрген*:

Бодап турда, бодал дүрген,
Көрүп турда, карак дүрген,
Адып турда, согун дүрген⁵.

Когда думаешь, мысль быстра,
Когда смотришь, глаз быстр,
Когда стреляешь, стрела быстра⁶;

о трёх недостающих *Өртемчейде үш дудуу*:

Дээрниң баганазы чок,
Дагның куржаа чок,
Сугнуң бышкызы чок⁷.

У неба подпорки нет,
У горы пояса нет,
У воды весёлки (мутовки, мешалки) нет⁸.

Загадки-триады широко распространены в устном народном творчестве монголов (Жуковская, 2002: 167–169).

¹ Кюль-тегин: Поэзия вечного камня: (Памятники орхоно-енисейской письменности VI–VIII вв.). = Күл-тегин: Мөңгө даштың сырыны: (Орхон-Енисей бижимелдериниң тураскаалдары VI–VIII вв.). Новосибирск: Наука, 2003. С. 91–128.

² Чылбыга айны канчап сырыпканыл? = Как Чылбыга проглотила луну? Тувинские мифы. Новосибирск: Новосибирский издательский дом, 2023. С. 68.

³ Тыва тывызыктар. = Тувинские загадки / Составитель Н.Г. Курбаткский / ред. перев. С. М. Орус-оол, Н. Ш. Куулар. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2018. С. 148.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 149.

⁸ Там же.

В тувинских народных *тоолдар* 'сказках' число три — символ успешности и волшебства **действий, совершаемых трижды**. Например, герой сказки «*Үш чүүл эртемниг оол*» («Мальчик с тремя знаниями»), за три месяца в обмен на скот трёх видов овладел **тремя знаниями**: *шыдыраага оюн* 'игра в шахматы', *илби-шиди* 'волшебство' и *санга өөренири* 'обучение счёту', затем участвует в шахматном турнире Караты-Хаана, и обыграв его трижды, достигает своей цели¹.

В тувинских героических сказаниях и в сказках-мифах главный герой, чтобы стать богатырём Среднего мира или добиться руки дочери хана участвует в **трёх поединках** — *эр кижиниң үш оюну* 'три мужские игрища': *хүреш* 'национальная борьба хуреш', *агт чарыжы* 'скачки', *ча адары* 'стрельба из лука'. И он становится символом не только сильного и мужественного победителя трёх мужских игрищ, но и воином-защитником, владеющим мастерством и ловкостью, уважающего народные традиции и культуру, тем самым завоевавшего национальную гордость соплеменников. Например, герой сказки-мифа «Сын Хур-Кужугета Сергек с Тёмно-Рыжим конем» Сергек участвовал в трёх состязаниях Дээр-Хаана: сначала выбросил через дымовое отверстие юрты чугуна весом в девяносто пудов, победил в национальной борьбе хуреш сильного борца Чаан-Мого, с которым боролся три месяца без перерыва, затем состязался в стрельбе из лука со знаменитым борцом Он-Шара и тоже одержал победу².

Таким образом, сакральное число *үш* 'три' в разных жанрах устного народного творчества тувинцев является символом трёхэтажности Вселенной; символом первичных сил, из которых возник мир и человеческий род; общности трёх понятий, качеств, явлений, предметов; символом успешности и волшебства сказочных действий, совершаемых трижды; символом трёх попыток и трёх знаний, трёх мужских игрищ, а победитель символизирует сильного и мужественного воина-защитника, сумевшего превзойти противников в трёх испытаниях. Но при этом надо отметить, что это не чисто тувинская специфика, а общетюркская культурная традиция (Тенишев, 2001; Традиционное мировоззрение ..., 1988: 16–105; Алиев, 2021: Электр. ресурс).

Число «три» в традициях и обычаях тувинцев

В тувинских традициях и обычаях тувинцев число «три» нашло свое отражение в обычаях соблюдения *тос ада угу* 'родословной до девятого поколения отцов', *божудуушкун ёзулалы* 'родных обрядах', *куда ёзулалдары* 'свадебные обряды' и в национальных играх *эр кижиниң үш оюну* 'три мужские игрища'.

По этическому обычаю уважения предков каждый человек должен знать свою родословную до девятого поколения отцов (Кенин-Лопсан, 1994: 53), которые делятся **на три группы**.

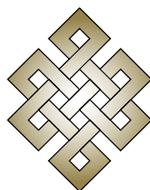
Первая группа — *үш ада дужу* 'родство до третьего поколения' или *өгбелер*, т. е. кровное родство от отца до прадеда. Данное родство является символом глубокой связи с родом и предками, символом сохранения семейных традиций и ценностей, передачи опыта старшего поколения. Человек на этом уровне родства отчётливо ощущает связь с историей семьи, поэтому должен знать, где жили предки, чем занимались, чем прославились, где похоронены, где находятся священные места, которые они освящали. Дети этой группы не имеют права становиться мужем и женой. Вторая группа — *бурунгу өгбелер* 'давние предки' — это прародители от четвёртого до шестого поколения отцов. Дети должны знать откуда они родом, из какого рода, какие именитые люди были среди них: борцы, лучники, сказочники и т. д. И, наконец, третья группа — *эрте-бурунгу өгбелер* 'древние предки' или *тос ада дужу* — это прародители от седьмого до девятого поколения отцов. О них можно узнать из легенд и преданий, из истории происхождения этнонимов, топонимов, антропонимов и т. д. (Кенин-Лопсан, 2017: 54–55).

В народе говорят: *Тыва кижини үш кол дойлуг: чаш уруг дою, куда дою, орнукишудулга дою* 'У тувинца **три главных пира**: пир новорожденного, свадебный пир, поминальный пир'³. Они тесно взаимосвязаны с обрядами жизненного цикла, которых ещё называют «переходными», так как «...земная жизнь человека воспринимается архаическим сознанием как череда качественных превращений, *переходов*;

¹ Үш чүүл эртемниг оол: тыва улустуң тоолу / Чурукчузу И. Салчак. = Мальчик с тремя знаниями: тувинская народная сказка / худ. И. Салчак. Кызыл: Республиканская типография, 2001.

² Сын Хур-Кужугета Сергек с Тёмно-Рыжим конем. = Хур-Кужугеттин оглу Хурен-Кыскыл агтыг Сергек: сказка-миф. Новосибирск: ООО «Типография Колорит», 2000.

³ Тыва кижиниң үш доюн эрттирериниң чуруму. = Правила проведения трёх основных обрядов у тувинцев. Кызыл: ОАО «Тываполиграф», 2010. Выделено нами. — Л. К.

каждый из них мыслился как метафорическое *умирание*, а затем символическое *рождение, возрождение* в новом состоянии, статусе, качестве (например, девушка становилась замужней женщиной и т. д.)» (Чвырь, 2006: 49).

В *божудуушкун ёзулалы* 'родильных обрядах' тувинцев наблюдаются **действия совершаемые трижды**, которым придают магическое воздействие. Например, юго-восточные тувинцы во время традиционного обряда *чаи уруг чуур ёзулал* 'купания новорожденного'¹ сначала омывали лицо малыша тёплым чаем, затем *чемжи чедишкен шай* 'крепко заваренным чаем' омывали тело ребёнка. Тувинцы считали, что такой чай укрепляет организм ребенка и хорошо действует на кожу, и, в конце, пах, подмышки и глаза малыша смазывали *чаг* 'салом' или *саржаг* 'топлёным маслом' (Потапов, 1969: 267).

Во время *кавай ёзулалы* 'колыбельного обряда' (Кенин-Лопсан, 1917: 186) также совершали **три магические действия**: 1) сначала в колыбель клали щенка *эник кавайлаар*, чтобы ввести в заблуждение нечистую силу, которая могла навредить ребёнку, 2) затем подвешивали *уруг куду* 'оберег-символ' в виде куколки из шкуры белки, 3) потом долгожитель из рода касался головой к колыбели, чтобы «дать» ребёнку свой возраст *назын бээр*. И только потом *тудугжу* 'повитуха' или *кырган-ава* 'бабушка', напевая *өпей ыры* 'колыбельную песню', укладывала малыша в колыбель, (Кенин-Лопсан, 1917: 184, 186; и др.²).

В **три года** *үш хар* проводили обряд *чаи хылбыктаар* 'первой стрижки волос', символизирующий переход от младенчества к детству (Монгуш, 2008: 247). Считается, что в этом возрасте у ребёнка просыпается память и начинает осознавать себя как личность³. Ребёнку дарили детёнышей домашнего скота, и он становился обладателем *өнчү* 'своей собственности' (Кенин-Лопсан, 1994: 125–127; Кужугет, 2006: 103; и др.⁴). И во время этого обряда *кырган-ача* 'дедушка' или *даай* 'дядя по матери' совершал также **три магические действия**: 1) погладив ребёнка по головке, вдыхал запах волос (желая выказать нежность, раньше не целовали, а вдыхали запах волос), 2) потом задевая волосы, обводил ножницами с белым кадаком *хачы актаар* вокруг головы малыша по движению солнца, 3) и в конце отрезал первую *дүргек* 'прядь волос' с правой стороны, сопровождая благопожелания (Кенин-Лопсан, 1994: 125).

Если остановимся на *куда ёзулалдары* 'свадебном обряде', то увидим четкую трехчастность обрядов. Сам свадебный обряд состоит **из трех циклов**, символизирующих важные этапы в жизни человека, с переходом в новый социальный статус и изменениями не только семейного положения, но и родовой принадлежности:

- 1) предсвадебные обряды — *куда мурнунда ёзулалдар*;
- 2) свадебные обряды — *куда ёзулалдары*;
- 3) послесвадебные обряды — *куда соонда ёзулалдар* (Кара-оол, 2015: 19).

Во время традиционного предсвадебного обряда *дүгдээшкин* 'закрепление сватовства' (обряд устраивали только тогда, когда жених и невеста достигали половой зрелости, и могли вступить в брак, подтверждая статус девушки как *келин* 'невестки' и парня как *күдээ* 'зятя') говорили: *Үш херээн үскен, үш чажын чарган* 'Три дела решены, три косы заплетены', совершив **три действия**: 1) девичью косу невесты заплетали в две (или три) косы, как у замужней женщины и завязывали *чавага* (женское украшение для косы), 2) девичьи кольца, браслет из меди заменяли женскими, т. е. из серебра и, наконец, 3) на макушку шапки невесты прикрепляли *маак* из красных нитей (Потапов, 1969: 260; Кара-оол, 2015: 26–27).

Во время свадебного обряда *келин алыр* 'приезда за невесткой в день свадьбы' по пути в *аал* 'село' жениха сваты **трижды встречали** кортеж невестки на сакральных местах *ыдыктыг черлер*, обычно на перевале *арт* (Кенин-Лопсан, 2017: 29; Кара-оол, 2021: 132).

Первый раз встречали на сакральном месте рода невестки, чтобы выпросить ее у «хозяина» земли её предков *чер ээинден чөпшээрел алыр*⁵. И для умилостивления *чер ээи* 'хозяину земли' жертвенному

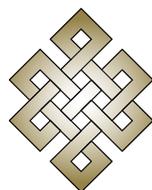
¹ Серен П. С. Моолда тываларның чаңчылдары (орук демдеглелдери). = Обряды тувинцев в Монголии (путевые заметки). Кызыл: Тип УПО «Аныяк», 2000. С. 13.

² Дамчай О. М., Уйнуку-оол Е. С. Культура традиционной тувинской семьи / отв. ред. А. С. Шаалы. Кызыл: ИРНШ, 2016. С. 67.

³ Там же. С. 68.

⁴ Там же. С. 69.

⁵ Донгак С. Ч. Тыва куда ёзулалдары = Традиции тувинской свадьбы / отв. ред. К. А. Бичелдей. Кызыл: Изд-во ТувГУ, 2012. С. 14.

кургану *оваа* «преподносили» *чем дээжизин өргүүр* ‘лакомые кусочки еды’, разбрызгивая *тос-карак* ‘девятиглазкой’ (кропилом) молоко вокруг *оваа*, сопровождая благопожеланиями. Второй раз встречали, въехав на территорию селения жениха, чтобы познакомить невестку с «хозяином» земли предков жениха и, чтобы он принял невестку *келин кысты хүлээп алып*¹. И для умилоствления хозяина земли совершали тот же обряд, как при первой встрече. В третий раз встречали вблизи селения жениха, обычно на переправе реки *кежиг аксы*. Невестка и сопровождающие приводили себя в порядок после утомительной дороги, и передохнув, направлялись в селение жениха. Вся посуда, использованная во время этой встречи, становилась утварью невестки *уругнуң аяк-савазы* (Кара-оол, 2021: 132–133).

По приезде в селение свадебный кортеж **трижды объезжал** *хүнгээр долганыр* по солнцу юрту молодых (Кенин-Лопсан, 2017: 30), а если она не была установлена, то подпорку юрты с кадаком *кадактыг багана ыяжы* (с обрядовым шелковым шарфом). А затем совершались **три ритуальных жеста** с использованием молока:

1) *даай-ава* жениха (тетя по матери), призывая благополучия и счастья молодожёнам, кропила молоко или *аржаан* (целебный источник) девятиглазкой *тос-карак* свадебный кортеж;

2) у коновязи *чеңге* жениха (жена старшего брата) снимала невестку с коня, когда она спешивалась, преподносила ей пиалу с молоком;

3) в юрте родителей жениха свекровь преподносила пиалу с молоком невестке и сыну со словами: *Даш октаан черинге чыдар, кыс берген черинге чурттаар* ‘Камень лежит там, куда его бросили, девушка живёт там, где её выдали’ (Потапов, 1969: 241, 261; Кара-оол, 2021: 132–133).

Во время *куда* ‘свадьбы’ проводились национальные игры, как *эр кижиниң үш оюну* ‘три мужские игрища’ (см. выше) и молодёжные игры, как важная часть культуры единения людей (Кара-оол, 2024: 66–69; и др.²). Три мужские игрища с давних времен проводятся и в Монголии и называются *эрийн гурван наадам* досл. «три игрища мужей» (Жуковская, 2002: 73–82).

В *орнукушудулга ёзулалы* ‘похоронном обряде’ священное число *үш* связано с днём похорон и обрядом омовения рук. Согласно верованию тувинцев, покойника хоронили на третий день, так как считали, что душа человека в течение трёх дней находится рядом с телом или местом, где он умер (Потанин, 2007: 478), привыкая к новому состоянию *миннишишкин үези*³ и прощаясь с миром живых, и только на третий день покидает тело, отправляясь в загробный мир, и тем самым завершает основные этапы жизни человека — рождение, жизнь и смерть⁴. По возвращении с похорон совершался обряд омовения рук аржааном из трёх компонентов: вода, молоко и можжевельник, чтобы очиститься от скверны и нечисти (Бутанаев, Монгуш, 2005: 172): аржаану приписываются охранительные и магические свойства.

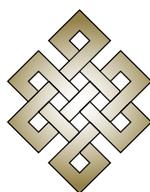
Таким образом, в тувинских традициях и обычаях наблюдается четкая трехчастность и трехцикличность обрядов, символизирующих глубокую связь с родом и предками, являясь символом сохранения семейных традиций и ценностей, передачи опыта старшего поколения от отца до прадеда (*үш ада*); символом переходности трёх этапов жизни человека (*үш дой*) — рождение, создание семьи, смерть; символом полноты и завершённости обрядовых действий, которым приписывают магическую силу; символом перехода от младенчества к детству (*үш хар*), когда ребёнок начинает осознавать себя как личность. А трёхцикличный свадебный обряд, символизирует важные этапы в жизни человека с переходом в новый социальный статус и изменениями не только семейного положения, но и родовой принадлежности. В похоронном обряде число «три» — символ отделения души от тела покойника, завершающий основные этапы жизни человека: рождение, жизнь и смерть, а также символ очищения от скверны и нечисти.

¹ Донгак С. Ч. Тыва куда ёзулалдары. = Традиции тувинской свадьбы / отв. ред. К. А. Бичелдей. Кызыл: Изд-во ТувГУ, 2012. С. 14.

² Там же. С. 19.

³ Куулар Х., Куулар О., Куулар Д.-Д., Куулар Л.-Д. Хам болгаш делегей = Шаман и мир / ред. А. М. Хертек. Кызыл: КЦО «Аныяк», 2014. С. 97.

⁴ Полевые материалы автора 2005 г. Пий-Хемский кожуун Республики Тыва и сумон Цэнгэл Баян-Улгийского аймака Монголии.

Число «три» в литературе и в фразеологизмах тувинского языка

В тувинской литературе использование числа үш 'три' зафиксировано в жанре *ожук дажы* 'трехстишия — триада', а также в *быжыг сөс каттыжыышкыннары* 'фразеологизмах' тувинского языка со значениями «сильно чего-то делать»: 'позднее время', 'чувство тревоги, страха или любопытства' и 'отсутствие системы в поведении, в образе жизни'.

Юрий Кюнзегеш — поэт, прозаик и переводчик, один из основоположников тувинской литературы, обогатил тувинскую поэзию не только выразительными средствами и образами, но и ввёл жанр трёхстишия, основываясь на традиционных приёмах фольклора и древнетюркской поэзии, и закрепил за **триадой** название *ожук дажы* букв. «треножника камни»¹, как символ единства (начало — развитие — конец) и целостности стихотворения (Мижит, 2009: 88, 90).

В стихотворении «*Үш ыдык*» («Три святыни») Народного писателя Тувы А. Даржая есть известная строфа:

*Тыва дылың,
Тыва чонуң,
Тыва чериң — ожуңуң үш ыдык дажы ол-дур, оглум
‘Твой тувинский язык,
твой тувинский народ,
твоя тувинская земля — это три священных камня твоего треножника, сынок*².

Эти строки точно и ёмко передают значение неразрывно связанных **трёх понятий** в жизни человека, без которых невозможно идентифицировать его, прививать чувство любви, гордости и уважения к своему языку, народу и малой родине. В них чётко виден символ единства и священности народа, языка и земли. Эту же мысль подтверждает другой писатель Чооду Кара-Куске³:

*Чонум, Чуртум, Дылым — тыва,
Чоргаарланыр чүвем-не ол.
Кайы-бири турбаан болза,
Канчап мени тыва дээрл?*

Народ мой, Родина моя, Язык мой — тувинский,
Только этим и я горжусь.
Если б не было одного из них,
Как бы меня назвали тувинцем?

В развитие и совершенствование рассматриваемого нами жанра внесли свой вклад поэты А. Уержаа, Н. Куулар, Э. Мижит, С. Донгак, Р. Лудуп и др.

В трехстишии А. Даржая число үш 'три' связано с неразрывными понятиями *бүзүрел* 'вера', *идегел* 'надежда', *ынакшыл* 'любовь', которые помогают каждому человеку преодолеть трудности, находить радость и смысл жизни, формируя основу личностного роста, эмоционального благополучия и духовного развития. По определению А. Даржая, *бүзүрел* 'вера', *идегел* 'надежда', *ынакшыл* 'любовь' — **три святыне высоты** человеческих отношений:

*Бүзүрел, Идегел, Ынакшыл —
Бүзүрелдиг үш ыдык таңдым.
Чажыым чажып чалбарыдым*⁴.

Вера, Надежда, Любовь —
Верные три святыне высоты.
Молюсь, благословляя (их).

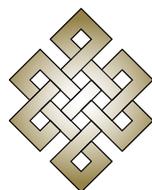
Число «три» широко используется в *быжыг сөс каттыжыышкыннары* 'фразеологизмах' тувинского языка с основным значением «сильно чего-то делать», например:

¹ Кюнзегеш Ю. Ш. Ожук даштары: шүлүктер, йөрээлдер, шүлүглелдер. = Камни очага: стихи, благословения, поэмы. Кызыл: Тув.кн.изд-во, 1993.

² Даржай А. А. Черге чедир мөгейдим. = Земной поклон. Избранное. Стихи и поэмы. Кызыл: Тываполиграф, 2014. С. 37.

³ Кара-Куске Ч. К. Тывызыксыг тывалар бис. = Мы — загадочные тувинцы. Кызыл: Тываполиграф, 2010. С. 33.

⁴ Даржай А. А. Черге чедир мөгейдим. = Земной поклон. Избранное. Стихи и поэмы. Кызыл: Тываполиграф, 2014. С. 39.

— *Үш дерин төгөр* ‘сильно напрячься, чтобы чего-то достичь’, букв. «пролить три пота» (не зафиксировано словарях): *Үш дерин төгүлдүр ажылдаан* ‘Работал в три пота’;

— *Үш куду үнер* ‘сильно перепугаться’, букв. «три души его выйдут» или *үш кудун оскунар* ‘сильно перепугаться’ букв. «потерять три души»¹: *Үш кудун оскунган кижиге та чүнү көргөниң ол*² ‘Кто его знает, что ты увидел, сильно перепугавшись’;

— *Үш түрүн бараар* ‘сильно мучиться’, букв. «три мучения свои испытать»³: *Кижилер могоп, шылап, үш түрүн бараан* ‘Люди утомились, устали, измучились’.

Также зафиксированы фразеологизмы со значениями:

1) ‘позднее время’: *Үш дүш ортузу* ‘глубокая ночь’, букв. «середина трёх ночей»⁴: *Кайнаар чоруй баар?! Мындыг үш дүш ортузунда!*⁵ ‘Куда пойдёт?! В такую глубокую ночь?’;

2) ‘чувство тревоги, страха или любопытства’: *Үш танывас* ‘совершенно незнакомый’, букв. «трижды незнакомый»⁶: *Үш танывас кижиге биле канчап чугаалажыр чүвөл?* ‘Как можно разговаривать с совершенно незнакомым человеком?’;

3) ‘отсутствие системы в поведении, в образе жизни’: *Үш үдүрүм* ‘расхлябанный’, ‘непорядочный’, ‘безалаберный»⁷: *Үш үдүрүм кижиге* ‘непорядочный человек, без морали и чести’, *үш үдүрүм чугаага бүүрүве* ‘не верь сумбурным разговорам’. ... *үш үдүрүм чүвөлөр сагыжынга кирер...*⁸ ‘... могут прийти на ум беспорядочные мысли...’

Таким образом, благодаря творческим усилиям Ю. Кюнзегеша и других авторов, которые основывались на традиционных приемах фольклора и древнетюркской поэзии, в тувинской литературе появился жанр трехстишия, в котором, как писала Л. С. Мижит, «подобно языкам пламени очага, три стиха *ожук дажы* могут направить наши мысли в неведомые глубины мира и человеческого духа» (Мижит, 2009: 91). Она предположила также, что «...создание такого рода национально-поэтических форм является, возможно, даже подсознательным стремлением поэтов сохранить в современном сознании устойчивые образы и символы традиционной народной культуры» (там же: 88), в котором высоко ценилось единство и священность народа, языка и земли. А в фразеологизмах передают значения «сильно чего-то делать».

Число «три» в быту тувинцев

Число «три» играет важную роль в повседневной жизни тувинца и имеет органическую связь с его бытом и культурой. Оно наблюдается в трёхчастных действиях *шайлаашкын ёзулалы* ‘церемонии чаепития’, а также закрепилось как народные знания о трёх вкусах и измерениях времени, в понятии об очаге тувинца-кочевника, в испытаниях на человечность и триединстве в человеке.

Шайлаашкын ёзулалы ‘церемонии чаепития’ — устоявшаяся церемония приёма гостей, символизирующая гостеприимство тувинцев, в котором наблюдается трехчастность действий. Сначала гостя угощают свежим молочным чаем — *баштай шайладыр* букв. «сначала чаёвничать». Тувинцы говорят: *Өгге кирген кижиге аяк эрни ызырар* ‘Зашедший в юрту — пиалу пригубит, т. е. пьёт чай’, затем приглашают отведать еду — *чемгерер*, и только потом угощают молочным вином — *көгээржикте арагазын сунар*, ведя размеренный разговор о повседневных делах и о последних новостях⁹. Тувинцы, пригла-

¹Хертек Я. Ш. Тыва-орус фразеология словари. = Тувинско-русский фразеологический словарь. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1975. С. 166.

²Кудажы К.-Э. К. Чогалдар чындзызы. Бирги том. Проза. = Собрание сочинений. Том 1. Повести и рассказы. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1993. С. 16.

³Хертек Я. Ш. Тыва-орус фразеология словари. = Тувинско-русский фразеологический словарь. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1975. С. 167.

⁴Там же. С. 166.

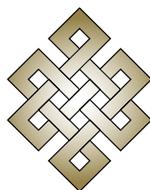
⁵Кудажы К.-Э. К. Чогалдар чындзызы. Бирги том. Проза. = Собрание сочинений. Том 1. Повести и рассказы. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1993. С. 297.

⁶Хертек Я. Ш. Тыва-орус фразеология словари. = Тувинско-русский фразеологический словарь. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1975. С. 167.

⁷Там же. С. 167.

⁸Кудажы К.-Э. К. Чогалдар чындзызы. Бирги том. Проза. = Собрание сочинений. Том 1. Повести и рассказы. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1993. С. 79.

⁹Полевые материалы автора 1999 г.: Эрзинский кожуун и Ховд Буянт аймака Монголии.

шая за стол, не говорят: *Чемнениңер* ‘Покушайте’. Они говорят: *Шайдан ижип, чемнениңер*. ‘Выпивая чай, покушайте’. Поэтому сначала преподносят пиалу с чаем.

М. Кенин-Лопсан в одном из своих трудов описал церемонию чаепития во время приёма гостей в зависимости от того, кого и когда принимают (Кенин-Лопсан, 1994: 41–42).

Амданның үш хевири ‘три вида вкуса’. Во время еды можно ощутить три вида вкуса: *дустуг* ‘солёный’, например, *дустуг шай* ‘солёный чай’, *дустуг огурец* ‘солёный огурец’; *ажыг* ‘кислый’ — *ажыг сүт* ‘кислое молоко’, *ажыг мүн* ‘кислый бульон’; *чигирзиг* ‘сладкий’ — *чигирзиг кадык* ‘сладкая каша’, *чигирзиг тарак* ‘сладкая простокваша’, ср. с русской кухней, где 5 видов вкуса: *сладкий, кислый, горький, острый, солёный*.

Ожук дажы ‘тренога, треножник’. Очаг ‘*одаг*’ кочевника-тувинца состоит из трёх камней — *ожук дажы*¹, который для тувинской культуры имеет значение *өг-бүлениң чайгылыш чогу, идегелдиш, дышты* ‘символа стойкости, надёжности и покоя’. По словам нашего респондента, если горит огонь *ожук дажы*, то потомки кочевника ведут привычный образ жизни, соблюдая обряды и традиции народа, живя в гармонии с собой, природой и окружающей средой². *Ожук-дажы* также *кижиниң бойдус, чурту база чону-биле тудуш харылзаазы* ‘символ единства человека с Природой, Родиной и народом’³.

Каждый камень *ожук дажы*, по сведениям М. Б. Кенин-Лопсана, связан с историей жизни человека: первый камень — жизнь человека, связанная с прошлым; второй камень — настоящая жизнь человека; третий камень — жизнь человека в будущем, что увидит, услышит и совершит сам (Кенин-Лопсан, 1994: 104).

Уениң үш хемчээли ‘три измерения времени’: *эрткен үе* ‘прошлое время’, *амгы үе* ‘настоящее время’ и *келир үе* ‘будущее время’. В трехстишии М. Ооржак они символизируют необратимость не только времени, но и всего в жизни человека:

*Эрткен үе эглип келбес,
Эткен сөс-даа эглип келбес,
Эптиг арга эглип келбес*⁴.

Прошедшее время необратимо,
Сказанное слово необратимо,
Удобный момент необратим⁵.

Амыдыралдың үш халыыны ‘три жизненные испытания’ — символы испытания на человечность:

1) *назын халыыны* ‘испытание возрастом’ (Сундуй, 2009: 81–82): различают *чаи назын халыыны* ‘детский возрастной жар’ (в 3 года, 5, 7 и 9 лет), т. е. испытание детским возрастом. Принято считать, что в волосах ребенка накапливается *эзин* ‘дуновение ветерка’, ср. с русским «ветер в голове», который в излишестве вредит здоровью и характеру ребенка, поэтому опасна на первой стадии своего проявления, так как данная энергия буквально пылает в организме и ребенок отличается повышенной подвижностью, озорством, заинтересованностью ко всему окружающему и раздражительностью;

2) *чалыы назын халыыны* ‘юношеский возрастной жар’ (13–18 лет), т. е. испытание юношеским возрастом — характеризуется желанием подростка общаться со сверстниками, отстаивать свою позицию и повышенным интересом к лицам противоположного возраста (там же: 81);

3) *акша халыыны* ‘испытание деньгами’⁶ и *дужаал халыыны* ‘испытание властью’⁷ — это экзамены жизни, выявляющие истинные качества и моральные принципы человека, искушая деньгами и высокой должностью. Человек или справляется с соблазнами жизни, используя свой жизненный опыт, или проявляет худшие свои качества, и тогда говорят *акша халыынын эртип шыдаваан* ‘не прошел испытания деньгами’ или *дужаал халыынын эртип шыдаваан* ‘не прошел испытания должностью’.

¹ Мижит Л. С. Триада в тувинской словесности: поэтический жанр *ожук дажы* (трехстишие): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2007.

² Бургут Доржу, 1947 г. р., род. в местечке Беш-Богда, Баян-Ульгийского аймака.

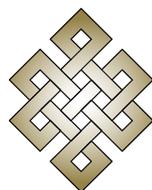
³ Мижит Л. С. Триада в тувинской словесности: поэтический жанр *ожук дажы* (трехстишие): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2007. 25 с. С. 11.

⁴ Ооржак М. Н. Хей-аъдым эзертепкеш... = Оседлав коня вдохновения. Стихотворения. Кызыл: Офсет, 2025. С. 44.

⁵ Перевод наш. — Авт.

⁶ Салчак Бады-Суур Дылбаевич, 1943 г.р., род. в местечке Биче-Баян-Кол, Пий-Хемского кожууна.

⁷ Он же.

И наконец, сам человек состоит из трёх единств: *мага-бот* 'тело' (физическое существование), *сагыш-сеткил* или *сүнезин* 'душа' (жизненная сила) и *куът* или *сорук* 'духа' (духовность). Все это символы, имеющие разные названия и значения в зависимости от вероисповедания человека. Как отметил Г. Д. Сундуй, в объяснении данных понятий «...мы встречаемся с большими затруднениями, т. к. возникают неясности и противоречивости их определений как в специальной литературе, так и у носителей культуры» (Сундуй, 2009: 92). Тувинцы говорят: *Мага-ботту быжыктырар* 'Укреплять тело'; *Сагыш бакта сайзыравас* 'Когда душа черствая, (человек) не развивается'; *Ооң сүнезини шагда чорупкан болду*. 'Оказывается, душа давно покинула его'; *Үш кудум оскунар частым* 'Чуть не потерял дух свой', т. е. сильно перепугался; *Сорук кишерер* 'Поднимать дух', т. е. вдохновлять.

Таким образом, понятия, связанные с числом «три», в культурно-бытовой жизни тувинцев закрепились как народные знания, приобретенные многовековым опытом народа. И они дают возможность расширить представления людей о культуре и быте тувинского народа.

Заключение

Таким образом, при систематизации примеров с числом *үш* 'три' мы обнаружили, что нумератив широко используется в следующих сферах культурной жизни тувинцев: в разных жанрах тувинского фольклора — шаманских напевах, мифах, загадках триадах, героических сказаниях и сказках; в традициях и обычаях тувинцев, в т. ч. родословной до девятого поколения отцов, родильных и свадебных обрядах; в литературе (трехстишия) и фразеологии тувинского языка; в культурно-бытовой жизни тувинцев, в т. ч. церемонии чаепития, видах вкуса, очаге тувинца-кочевника, в измерениях времени, жизненных испытаниях, в понимании триединства человека.

Символика числового компонента «три» принадлежит к сфере сакрального и магического, но при этом данный нумератив показывает четкую трехчастность и трехцикличность тувинских обрядов, единство и целостность трехстиший, завершенность действий, совершаемых трижды, а также общность трех понятий, качеств, явлений, предметов в сознании тувинского народа.

В тувинской картине мира понимание числа *үш* 'три' имеет сходства с лингвокультурами народов Саяно-Алтая, а также монгольского народа, что объясняется общностью культуры, истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алиев, О. (2021) Символика чисел в сказках: три, семь, сорок [Электронный ресурс] // *Studia Humanitatis*. № 1. URL: <https://st-hum.ru/content/aliev-o-simvolika-chisel-v-skazkah-tri-sem-sorok> (дата обращения: 12.08.2025).

Башко, Л. С., Гордиенко, А. Н., Гордиенко, А. Н. (2007) Энциклопедия символов / под ред. О. В. Перзашкевича. М.: Эксмо. 304 с.

Бочина, Т. Г. (2023) Числовой и цветовой код как компонент тувинских загадок о человеке // *Новые исследования Тувы*. № 3. С. 6–20. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.1>

Бредис, М. А. (2023) Символика числа девять в тувинской лингвокультуре (на фоне ряда тюркских и монгольских языков) // *Новые исследования Тувы*. № 1. С. 228–242. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.13>

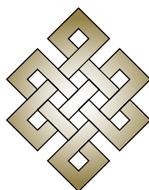
Бредис, М. А., Новоспаская, Н. В. (2023) Особенности употребления нумератива пять в тувинской лингвокультуре (на фоне ряда тюркских и монгольских языков) // *Новые исследования Тувы*. № 3. С. 36–50. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.3>

Бредис, М. А., Ломакина, О. В., Борисова, А. С., Лазарева, О. В. (2022) Числовой код тувинской лингвокультуры в пословицах (на фоне ряда тюркских и монгольских языков народов России) // *Новые исследования Тувы*. № 4. С. 276–292. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.20>

Бредис, М. А., Сюэ, Б. (2023) Символика числа семь в тувинской лингвокультуре (на фоне ряда тюркских, монгольских и китайского языков) // *Новые исследования Тувы*. № 4. С. 274–289. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.19>

Бредис, М. А. (2024) Особенности семантики числа сто в тувинской лингвокультуре (на фоне ряда тюркских и монгольских языков) // *Новые исследования Тувы*. № 4. С. 61–74. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.4>

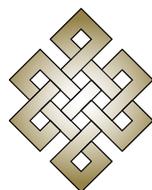
Бутанаев, В. Я., Монгуш, Ч. В. (2005) Архаические обычаи и обряды саянских тюрков / отв. редактор И. Н. Гемуев. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова. 200 с.

- Жуковская, Н. Л. (2002) Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика. М. : Восточная литература. 247 с.
- Кара-оол, Л. С. (2015) Лексика предсвадебных обрядов в тувинском языке // Урало-алтайские исследования. № 4 (19). С. 17–31.
- Кара-оол, Л. С. (2019) Числительные в топонимах Тувы // Oriental Studies. № 4. С. 691–706. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-44-4-691-706>
- Кара-оол, Л. С. (2021) Лексика традиционных свадебных обрядов в тувинском языке // Российская тюркология. № 1–2 (30–31). С. 126–143.
- Кара-оол, Л. С. (2024) Лексика традиционных свадебных игр в тувинском языке // Российская тюркология. № 1–2 (42–43). С. 56–74. DOI: <https://doi.org/10.37892/2712-8121-2024-42-43-56-74>
- Кенин-Лопсан, М. Б. (1994) Тыва чоннуң бурунгу ужурлары. = Традиционная этика тувинцев. Кызыл : Новости Тувы. 192 с.
- Кенин-Лопсан, М. Б. (1995) Алгыши тувинских шаманов. = Тыва хамнарның алгыштары. Кызыл : Новости Тувы. 528 с.
- Кенин-Лопсан, М. Б. (2002) Тыва хамнарның торулгалары. = Мифы тувинских шаманов. Кызыл : Новости Тувы. 544 с.
- Кенин-Лопсан, М. Б. (2017) Тыва чаңчыл. = Тувинские традиции. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 360 с.
- Кенин-Лопсан, М. Б. (2025) Традиционная культура тувинцев. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 248 с.
- Курбатский, Н. Г. (1973) Тувинские праздники: (историко-этнографический очерк). Кызыл : Тувинское книжное издательство. 75 с.
- Кужугет, А. К. (2006) Духовная культура тувинцев: структура и трансформация. Кемерово : КемГУКИ. 320 с.
- Мижит, Л. С. (2009) Тувинский поэтический жанр ожук дажы (трёхстишие) // Проблемы востоковедения. № 1 (43). С. 88–93.
- Мижит, Л. С. (2013) Тувинское трёхстишие: триада в тувинской традиционной культуре / ред. К. А. Бичелдей. Новосибирск : Изд-во СО РАН. 138 с.
- Монгуш, М. В. (2008) Тувинцы Монголии и Китая // Тюркские народы Восточной Сибири / отв. ред. Д. А. Функ, Н. А. Алексеев. М. : Наука. 422 с. С. 205–261.
- Муратова, Р. Т. (2014) Лингвокультурные особенности числа семь в тюркских языках (на примере фразеологических единиц) // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 91. № 16 (345). С. 89–93.
- Потанин, Г. Н. (2007) Очерки Северо-Западной Монголии. Выпуск IV. Материалы этнографические (извлечения) // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае – Танну-Туве, урянхайцах – тувинцах, о древностях Тувы: в 7 т. / составитель С. К. Шойгу. М. : Слово/ Slovo. Т. 2: Племена Саяно-Алтая. Урянхайцы (IV в. – XX в.) 664 с. С. 420–495.
- Потапов, Л. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М.: Наука. 404 с.
- Сундуй, Г. Д. (2009) Мир детства кочевой Азии: опыт духовно-нравственного воспитания. Кызыл : ИРНШ. 168 с.
- Тенишев, Э. Р. (2001) Символика чисел // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / отв. ред. Е. А. Поцелуевский. М. : Наука. 822 с. С. 580–592.
- Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир (1988) / Э. Л. Львова, И. В. Октябрьская, А. М. Сагалаев, М. С. Усманова. Новосибирск : Наука. 225 с. С. 16–105.
- Чвырь, Л. А. (2006) Обряды и верования уйгуров в XIX–XX вв.: очерки народного ислама в Туркестане / ред. О. В. Мажидова. М. : Восточная литература. 286 с.
- Чугунекова, А. Н. (2019) Символика чисел в хакасском и тувинском языках (на материале фольклорных текстов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота. Том 12. Выпуск 11. С. 432–436. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.11.92>

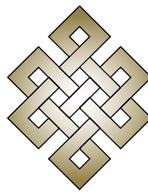
Дата поступления: 12.08.2025 г.

Дата принятия: 06.10.2025 г.

REFERENCES

- Aliyev, O. (2021) Symbolism of numbers in fairy tales: three, seven, fort. *Studia Humanitatis*, no. 1 [online] Available at: <https://st-hum.ru/content/aliev-o-simvolika-chisel-v-skazkah-tri-sem-sorok> (accessed 12.08.2025). (In Russ.)
- Baeshko, L. S., Gordienko, A. N. and Gordienko, A. N. (2007) *Encyclopedia of symbols*. Moscow, Eksmo. 304 p. (In Russ.)
- Bochina, T. G. (2023) Numerical and colour code as a component of Tuvan riddles about a person. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 6–20. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.1>
- Bredis, M. A. (2023) Symbolism of the number nine in Tuvan linguoculture (against the background of several Turkic and Mongolic languages). *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 228–242. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.13>
- Bredis, M. A. and Novospasskaya, N. V. (2023) Specific features of the use of the numerative five in Tuvan linguoculture (against the background of several Turkic and Mongolic languages). *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 36–50. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.3>
- Bredis, M. A., Lomakina, O. V., Borisova, A. S. and Lazareva, O. V. (2022) Numerical code of Tuvan linguoculture in proverbs (against the background of several Turkic and Mongolic languages of the peoples of Russia). *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 276–292. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.20>
- Bredis, M. A. and Xue, B. (2023) Symbolism of the number seven in Tuvan linguoculture (against the background of several Turkic, Mongolic and the Chinese languages). *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 274–289. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.19>
- Bredis, M. A. (2024) Specific features of the semantics of the number one hundred in Tuvan linguoculture (against the background of several Turkic and Mongolic languages). *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 61–74. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.4>
- Butanaev, V. Ya. and Mongush, Ch. V. (2005) *Archaic customs and rituals of the Sayan Turks*. Abakan, Katanov Khakass State University Press. 200 p. (In Russ.)
- Zhukovskaya, N. L. (2002) *Nomads of Mongolia: culture, traditions, symbolism*. Moscow, Vostochnaya literature. 247 p. (In Russ.)
- Kara-ool, L. S. (2015) Vocabulary of pre-wedding rituals in the Tuvan language. *Ural-Altai Studies*, no. 4 (19), pp. 17–31. (In Russ.)
- Kara-ool, L. S. (2019) Numerals in the toponyms of Tuva. *Oriental Studies*, no. 4, pp. 691–706. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-44-4-691-706>
- Kara-ool, L.S. (2021) Vocabulary of traditional wedding rituals in the Tuvan language. *Rossiyskaya tyurkologiya*, no. 1–2(30–31), pp. 126–143. (In Russ.)
- Kara-ool, L. S. (2024) Vocabulary of traditional wedding games in the Tuvan language. *Rossiyskaya tyurkologiya*, no. 1–2(42–43), pp. 56–74. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.37892/2712-8121-2024-42-43-56-74>
- Kenin-Lopsan, M. B. (1994) *Tyva chonnuŋ burungu uzhurlary. Traditional ethics of Tuvans*. Kyzyl, Novosti Tuva. 192 p. (In Russ.)
- Kenin-Lopsan, M. B. (1995) *Algishy Tuvan shamans. Tyva khamnarnyŋ algyshtary*. Kyzyl, Novosti Tuva. 528 p. (In Russ.)
- Kenin-Lopsan, M.B. (2002) *Tyva khamnarnyŋ torulgalary. Myths of Tuvan shamans*. Kyzyl, Novosti Tuva. 544 p. (In Russ.)
- Kenin-Lopsan, M. B. (2017) *Tyva chaŋchyl. Tuvan traditions*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 360 p. (In Russ.)
- Kenin-Lopsan, M. B. (2025) *Traditional culture of Tuvans*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 248 p. (In Russ.)
- Kurbatsky, N. G. (1973) *Tuvan holidays: a historical and ethnographic essay*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 75 p. (In Russ.)
- Kuzhuget, A. K. (2006) *Spiritual culture of Tuvans: structure and transformation*. Kemerovo, Kemerovo State University of Culture and Arts. 320 p. (In Russ.)
- Mizhit, L. S. (2009) The Tuvan poetic genre ozhuk dazhy (three-line verse). *Problems of Oriental Studies*, no. 1(43), pp. 88–93. (In Russ.)
- Mizhit, L. S. (2013) *The Tuvan three-line verse: triad in Tuvan traditional culture*, ed. by K. A. Bicheldei. Novosibirsk, Siberian Branch of the RAS Publishing House. 138 p. (In Russ.)
- Mongush, M. V. (2008) Tuvans of Mongolia and China. In: *Turkic peoples of Eastern Siberia*, ed. D. A. Funk, N. A. Alekseev. Moscow, Nauka. 422 p. Pp. 205–261. (In Russ.)

Muratova, R. T. (2014) Linguocultural features of the number seven in the Turkic languages (on the material of phraseological units). *Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art Studies*, issue 91, no. 16 (345), pp. 89–93. (In Russ.)

Potanin, G. N. (2007) Essays on North-Western Mongolia. Issue IV. Ethnographic materials (excerpts). In: *Uryankhai. Tuva depter. Anthology of scholarly and educational thought about the ancient Tuvan land and its inhabitants, about Uryankhai – Tannu-Tuva, the Uryankhai – Tuvans, about the antiquities of Tuva: in 7 vols, comp. by S. K. Shoigu*. Moscow, Slovo / Slovo. Vol. 2: *Tribes of the Sayan-Altai. The Uryankhai (4th–20th centuries)*. 664 p. Pp. 420–495. (In Russ.)

Potapov, L. P. (1969) *Essays on the traditional life of Tuvans*. Moscow, Nauka, 404 p. (In Russ.)

Sundui, G. D. (2009) *The world of childhood in nomadic Asia: an experience of spiritual and moral upbringing*. Kyzyl, IRNSH. 168 p. (In Russ.)

Tenishev, E. R. (2001) Symbolism of numbers. In: *Comparative-historical grammar of the Turkic languages. Lexicon*, ed. by E. A. Potseluevsky. Moscow, Nauka. 822 p. Pp. 580–592. (In Russ.)

Lvova, E. L., Oktyabrskaya, I. V., Sagalaev, A. M. and Usmanova, M. S. (1988) *Traditional worldview of the Turks of Southern Siberia. Space and time. The material world*. Novosibirsk, Nauka. 225 p. Pp. 16–105. (In Russ.)

Chvyr, L. A. (2006) *Rites and beliefs of the Uyghurs in the 19th–20th centuries: essays on popular Islam in Turkestan*, ed. by O. V. Mazhidova. Moscow, Vostochnaya literature. 286 p. (In Russ.)

Chugunekova, A. N. (2019) Symbolism of numbers in the Khakas and Tuvan languages (based on folklore texts). *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, vol. 12, issue 11, pp. 432–436. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.11.92>

Submission date: 12.08.2025.

Acceptance date: 06.10.2025.